

2. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентные имена и прецедентные высказывания как символы прецедентных феноменов // Коммуникация : сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 1997. Вып. 1. С. 95.

3. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. Екатеринбург, 2004. С. 4–5, 28.

4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2004.

5. Славкин В. В. Заголовок в современном газетном тексте // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 1. С. 40–49.

6. Хазагеров Г. Г. Функции стилистических фигур в газетных заголовках (на материале «Комсомольской правды») : дис. ... канд. филол. наук. Ростов на/Д, 1984.

Статья поступила в редакцию 02.11.2009 г.

УДК 070.1 + 81'373.21

Е. А. Нахимова

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ И МЕТОНИМИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Рассматриваются закономерности метафорического и метонимического использования в современных СМИ названий регионов, стран, населенных пунктов, улиц, площадей и иных топонимов (вторая Швейцария, очередной Чернобыль, Вьетнам на Балканах, Новочеркасск-2009, киргизские Майданы и т. п.). Обнаружено, что по частотности подобного использования топонимы, с одной стороны, существенно уступают антропонимам, а с другой — значительно превосходят все иные виды онимов.

Ключевые слова: топоним, метафора, метонимия, СМИ, когнитивная методика.

Исследование онимов имеет давние традиции в отечественной и зарубежной науке, однако перед учеными «по-прежнему стоит множество сложных вопросов, которые так и не нашли своего окончательного решения в традиционной парадигме лингвистического знания» и требуют использования когнитивных методик и эвристик [6, 40], в том числе созданных в рамках теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Н. Баранов, П. Друлак, И. М. Кобозева, Й. Цинкен, П. Чилтон, А. П. Чудинов и др.) и теории прецедентности (Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин и др.). Изучение метафоры и метонимии в сфере имен собственных очень важно и для постижения общих закономерностей категоризации окружающей действительности как одной из центральных категорий когнитивной лингвистики.

В современной ономастике разграничивается несколько видов онимов: антропонимы, гидронимы, зоонимы, топонимы, астронимы, урбонимы, названия

НАХИМОВА Елена Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Уральского государственного педагогического университета (E-mail: ap_chudinov@mail.ru).

© Нахимова Е. А., 2010

событий, фирм (организаций и т. п.), кораблей и др. В каждом из названных видов онимов имеются имена, которые способны использоваться метафорически и метонимически, однако существуют значительные различия в частотности такого использования и характере образного значения. Поскольку основная проблематика массовой коммуникации — это человеческая деятельность, то вполне закономерно, что здесь ведущее место занимает использование антропонимов, на которые приходится более 90 % онимных метафор [3, 82–83].

Ср.: *Есть ли у нас сегодня свои **Кутузовы, Суворовы**, которые за Россию готовы отдать жизнь? — Есть. Но какой парадокс. У нас если человек патриот, ему сразу прилипают клички «националист», «шовинист»* (АиФ. 2006. № 6); *К несчастью, у нас не оказалось своего **Дэн Сяопина**, как и своего **Людвига Эрхарда*** (Известия. 2005. 29 марта).

Метафорическое использование антропонимов в массовой коммуникации позволяет провести параллели между деятельностью, взглядами, личными качествами в чем-то сходных людей, выразить отношение автора к этим людям и оказать эмоциональное воздействие на адресата текста. Подобные значения антропонимов уже неоднократно привлекали к себе внимание специалистов [1; 2; 3; 4; 5 и др.], тогда как образные значения иных онимов исследованы в значительно меньшей степени.

На втором месте (после антропонимов) по распространенности образного использования и разнообразию вторичных значений находятся топонимы. Выделим наиболее типичные виды «топонимических» метафор в соответствии со спецификой ментальных сфер-источников, к которым относятся соответствующие метафорические значения:

1. Обозначения стран способны служить напоминанием об исторической судьбе соответствующих государств, что позволяет проводить аналогии. В результате название страны приобретает символический характер.

Ср.: *Любые расчеты на чилийский вариант, хотя об этом вслух никто не говорит, оказались наивными и безграмотными. Пытаясь стать **Чили**, мы стали **Нигерией**: та же коррупция и та же нефть* (Независ. газ. 2004. 28 дек.).

В данном случае обозначение *Чили* характеризует государство, в котором жесткая и даже жестокая власть смогла организовать хозяйственную деятельность и тем самым способствовала экономическому прогрессу. Соответственно *Нигерия* образно обозначает государство, в котором даже богатство недр не обеспечивает экономической устойчивости, поскольку ненасытность продажных чиновников делает невозможным успешное развитие государства.

В следующем контексте *Германия* и *Франция* выступают как обобщенное обозначение богатых, сильных и авторитетных стран, которые играют значительную роль в мировой политике.

Ср.: *Просто Украина решила, что она теперь **Германия** или **Франция** и может диктовать России правила торговли путем запугивания. Только за это можно из Евросоюза вылететь, да еще штраф хороший получить за это воровство* (Рос. газ. 2006. 17 янв.).

Ср. также: *В свое время канцлер Коль мне сказал: «Западная Германия до сих пор не может переварить Восточную». А ведь никакой «**Западной России**» у*

нас нет (Рос. газ. 2007. 20 апр.); **Вьетнам на Балканах может убить Клинтона как публичного политика** (Общ. газ. 1999. № 13).

Топонимические метафоры обычно носят оценочный характер и обладают значительным прагматическим потенциалом. Читатели воспринимают их как проявление своего рода языковой игры, как призыв обнаружить компоненты, сближающие названия, казалось бы, совершенно различных государств.

2. Названия мегарегионов, включающих в себя несколько государств. Показателен следующий контекст: *Думаю, миллиарды долларов, которые раньше шли на Остоженку и Рублевку, теперь перетекут на Лазурный берег, в Лондон и Марбелью... Ну а куда делись покупатели с валютой? Ну, во-первых, на Лазурный берег и в прочие **европы*** (Интернет-блог Г. Куликова. 26.06.2009). В данном случае строчная буква и форма множественного числа подчеркивают метафоричность названия континента, который представлен как своего рода символ территории, на которой богатым людям созданы условия для спокойной и безопасной жизни.

В следующей фразе название полуострова на юге Европы служит метафорическим обозначением региона, на котором в течение долгих лет полыхают войны и межнациональные конфликты: *Северный Кавказ не должен стать **российскими Балканами*** (Независ. газ. 2003. 11 июня).

Ср. также использование названия полуострова, на котором расположены богатые нефтью арабские страны, для обозначения нашей страны как источника углеводородов, необходимых нашим западным соседям: *Если Европа надеется снять со своего горла арабскую нефтяную удавку, у нее один выход — нефть **«российской Аравии»**. Идеологическое сходство будет нарастать, основа для экономического союза есть, общий (пусть не имеющий лица и имени) враг наступает* (Рос. газ. 2004. 15 марта).

Обозначение нашей страны как еще одной Аравии побуждает читателя к поиску оснований для сближения и поиску ответа на вопрос о том, почему наша нефть не обеспечила России уровень жизни, сопоставимый с уровнем жизни владеющих нефтью арабов.

3. Получившие широкую известность урбонимы (а также названия сел, деревень и т. п.) нередко используются для образного обозначения иных населенных пунктов. В этом случае основанием для метафоры служит сопоставимость тех или иных существенных признаков соответствующих населенных пунктов (размер, богатство, расположение, функции, эстетическая оценка и др.).

Ср.: *Чуть поодаль расположен езидский **Ватикан** — священный город Лалеш, где живут посвященные и куда со всего мира стекается паства с богатыми дарами* (Завтра. 2006. № 1); *Я думаю, что Петербург вполне может стать **российским Гонконгом** — свободной экономической зоной с особым режимом* (АиФ. 2005. № 36).

В данном случае город, который считается священным в соответствии с религией езидов, назван по аналогии со священным городом католиков. Соответственно быстро разбогатевший китайский город становится в устах губернатора В. Матвиенко обозначением цели развития Санкт-Петербурга, который нередко называют также Северной Венецией.

Ср. также метафорическое использование названия американского города, известного как центр азартных игр: *Уважаемые либералы! Вы хотели слабых и бессловесных спецслужб? Вы их получили. Не жалуйтесь. Беслан — ваша заслуга. То же случилось и с армией. В напомаженном Лас-Вегасе русского либерализма ей места не нашлось* (Комс. правда. 2007. 23 окт.).

Хорошо известно, что топонимы способны метонимически обозначать те или иные события, которые происходили в соответствующем населенном пункте или поблизости от него. Например, *Бородино* — это еще и название величайшего сражения, название осетинского города *Беслана* часто в последние годы используется и для обозначения захвата террористами школы в этом городе. Соответственно название *Хиросима* используется как обозначение варварского разрушения города при помощи оружия массового поражения. Однако возможно и дальнейшее развитие семантики топонима по метафорическому типу. В этом случае название одного населенного пункта используется для обозначения иного населенного пункта, а основанием для такой метафоры оказывается сходство соответствующих событий. Рассмотрим несколько конкретных примеров:

Багдад — это иракский Сталинград. Проиграть битву за Багдад означает проиграть и всю страну в целом (Полит. журн. 2007. 5 февр.). В данном случае метафорическое отождествление иракского и советского городов объясняется тем, что в названных городах происходили кровопролитные сражения, которые вели защитники города с иноземными захватчиками.

Название города *Хасавюрт* стало образным обозначением юридического договора, который неоднозначно расценивается обществом.

Ср.: *После захвата заложников в Норд-Осте был критический момент с развитием событий по варианту «Хасавюрт-96»* (Сов. Россия. 2003. 6 марта).

Соответственно название осетинского города *Беслан* стало образным обозначением террористического акта, унесшего множество жизней.

Ср.: *Обилие в некоторых республиках ваххабитских медресе, замещение традиционных мулл ставленниками «саудитов» делают Поволжье взрывоопасным районом, который может сдетонировать при очередном Беслане* (Завтра. 2004. № 45).

В качестве образного обозначения тех или иных событий нередко используются и названия иных городов.

Ср.: *Вспомните, когда были сделаны первые прогнозы относительно «Новочеркаска-2009». Год назад. И где эти массовые беспорядки?* (АиФ. 2009. № 36); *Пикалево не должно повториться* (Комс. правда. 2009. 1 июля); *Украине грозит фосфорный Чернобыль* (Известия. 2007. 18 июля); *Совершенно ясно, что всем вам пришел полный звездац, ибо еще мгновение — и тут будет маленькая Хиросима!* (Боевое искусство планеты. 2003); *Как отмечает депутат Государственной Думы Иван Мельников, сейчас «Кондопога — это собирательный образ. Потенциально Кондопога — сегодня в каждом российском городе»* (Рос. газ. 2007. 8 июня).

Отметим также, что в современных СМИ активно используется и традиционный метонимический перенос по модели «название столицы — название государства и его правительства».

Ср.: *Багдад* опять стал препятствием на пути имперских планов *Вашингтона*, и это Саддаму еще могут припомнить (Завтра. 2001. № 45).

Специальные наблюдения показывают, что образное использование названий населенных пунктов — это наибольшая по количеству единиц и частотности их использования группа вторичных значений топонимов.

4. Возможно обозначение важного политического события при помощи указания на микротопоним (улицу, площадь и др.), где происходили аналогичные события.

Ср.: В Киргизии быстро обнаружился местный Ющенко и даже тьянь-шаньская Тимошенко. *Майданы* заполыхали гневом (Рос. газ. 2006. 17 янв.); «Осторожно, пропустите женщин», — кричала одна из сотрудниц президентской пресслужбы, пытаясь хоть как-то снять натиск напавшей на узкую дверь толпы. Перспектива провести два часа на морозе никого из собравшихся журналистов обрадовать не могла. Казалось, еще немного, и начнется настоящая «*ходьинка*» (Независ. газ. 2004. 13 февр.).

В представленных контекстах *Майдан* — это обозначение места, где проходят массовые антиправительственные митинги, а *Ходынка* — название места, где гибнут люди в результате массовой давки на месте плохо организованного публичного мероприятия.

Ср. также: *Мы все-таки собираемся создать не Кипр. Мы собираемся создать лондонский Сити. В смысле, привлекательный финансовый центр, а не просто оффшор*» (АиФ. 2008. 2 апр.).

В подобных значениях используются также названия *Красная Пресня* (место столкновений с полицией), *Бродвей* (улица, где много развлекательных учреждений), *Красная площадь* (центральная площадь города) и др., однако количество названий улиц и площадей с ярко выраженным ассоциативным потенциалом значительно меньше, чем число подобных урбонимов.

5. В немногих случаях наблюдается метафорическое использование названий отдельных зданий, с которыми связаны те или иные исторические события.

Ср.: *И я пошел на поиски революционеров. ...Не стал оригинальничать. У коммунистов, думал я, наверняка уже есть Смольный. ...Эдуард Лимонов, потенциальный Робеспьер «ситцевой» революции, принял меня соответственно — в типовой квартире подпольщика* (Комс. правда. 2005. 2 февр.); *Бюджетные деньги будут направлены в семинарию и на постройку разрушенного в 30-х годах собора Александра Невского, который Аяцков назвал «вторым храмом Христа Спасителя, но на саратовской земле»* (Известия. 2002. 12 янв.).

В первом контексте *Смольный* — это уже не обозначение здания, где обосновались большевики в 1917 г., а наименование помещения, в котором находятся организаторы антиправительственных акций, которые происходят в другое время и в другом городе. Во втором контексте саратовский губернатор говорит о саратовском соборе, который, как и московский храм Христа-Спасителя, был уничтожен большевиками и восстановлен в постсоветскую эпоху.

В подобных значениях могут использоваться также названия *Белый дом*, *Кремль*, *Версаль*, но количество подобных наименований со значительным метафорическим потенциалом очень невелико.

Отметим также, что эпизодически возможно метафорическое использование иных топонимов, в том числе названий гор: примерами могут служить библейский образ *Голгофы* или использования слова *Гималаи* для обозначения максимальной величины.

Ср.: Или Юрий Любимов. «Я прошел советскую *голгофу*», — говорит он о себе. Мы все знаем, что такое *голгофа*, — это бичевание и Распятие. Но Любимова никто не распинал (АиФ. 2008. 2 апр.); Залитый кровью Беслан будет внесен в священные тексты России, как страшная притча о русской *Голгофе*, Сошествии в ад и неизбежном ослепительном Воскресении (Завтра. 2004. № 37); Мы с тобой *Гималаи* (слова И. В. Сталина, обращенные к Н. И. Бухарину) (Известия. 1999. 1 сент.).

Среди иных топонимов, способных к метафорическому использованию, можно назвать такие, как *Цусима* (пролив, где произошло крупное сражение, закончившееся разгромом российского флота), *Дарданеллы* (пролив, который воспринимался как одна из целей войны, и одновременно обозначение места прорыва, преодоления), *Бермуды* (как область таинственных катастроф), *остров Святой Елены* (как место ссылки и последнего приюта политического лидера).

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что, как правило, имена собственные имеют лишь одно вторичное значение: например, *Лас-Вегас* — это американский город, где процветают азартные игры, но так может быть назван и центр азартных игр в иной стране. Соответственно *Гонконг* и *Сингапур* — это богатые города, финансовые центры в Азии, но эти названия могут быть образно использованы и для обозначения совершенно иных городов, известных как крупные финансовые центры или стремящихся получить такую известность.

В других случаях топоним имеет два вторичных значения — метонимическое и метафорическое. Например, *Нюрнберг* — это, во-первых, название немецкого города; во-вторых, метонимическое обозначение судебного процесса над нацистами, который проходил в этом городе; а в-третьих — метафорическое обозначение любого судебного процесса над военными преступниками, имеющего важное политическое значение. Соответственно *Чернобыль* — это, во-первых, название города; во-вторых, метонимическое название технологической катастрофы на атомной электростанции в этом городе; в-третьих, потенциальное метафорическое название для иных крупных техногенных катастроф.

Вместе с тем некоторые топонимы способны выступать в различных метафорических значениях. Так, имя собственное *Швейцария* может обозначать, во-первых, горную страну, в которой есть прекрасные возможности для отдыха; во-вторых, финансовый центр, отличающийся надежностью и давними традициями; в-третьих, нейтральное государство, не вступающее в политические и особенно военные союзы; в-четвертых, страну с высоким уровнем жизни населения и давними демократическими традициями.

Функционирование и восприятие метафорических топонимов тесно связано с особенностями национальной культуры, с традициями и ментальностью соответствующего народа. Например, сербы с особым чувством воспринимают прецедентный топоним *Косово поле*, поляки и евреи — *Освенцим*, а украинцы и евреи — *Бабий Яр*. Топонимы *Ватерлоо* и *остров Святой Елены* вызывают

совершенно различные ассоциации во Франции и в Великобритании. Показательно, что в США Ирак нередко называют *Вьетнам Буша*, что позволяет провести аналогии между американским вторжением в Ирак и войной во Вьетнаме.

Нередко обнаруживаются и своего рода «зарубежные эталоны», в рамках которых политическая реальность одной из стран становится сферой-источником для заимствования прецедентных феноменов, необходимых автору для описания политической реальности другого государства. В результате возникают такие обозначения, как *Российская Швейцария* или *Северный Гонконг*.

Коммуникативные смыслы подобных словоупотреблений служат основой для создания межнациональных параллелей, в рамках которых и существует международный политический интердискурс. В самых различных лингвокультурных сообществах топонимы *Монако* и *Лас-Вегас* выступают как обозначение мест, где разрешены азартные игры, название реки *Рубикон* уже два тысячелетия воспринимается как символ границы, переход через которую означает кардинальные изменения; соответственно названия *Бабий Яр* и *Бухенвальд* выступают как символ бесчеловечного уничтожения людей.

Метафорические и метонимические смыслы наиболее характерны для названий городов и иных населенных пунктов, однако подобным образом могут использоваться также названия мегарегионов, стран и их регионов, наименования улиц, площадей и даже отдельных зданий. По частотности подобного использования топонимы, с одной стороны, существенно уступают антропонимам, а с другой — значительно превосходят все иные виды онимов. Типичные признаки образного использования топонимов — использование специальных определений и иных распространителей (*вторая Швейцария, очередной Чернобыль, Вьетнам на Балканах, Новочеркасск-2009, словесная Ниагара, своя Византия*), а также применение кавычек, форм множественного числа и строчной буквы в начале слова (*«ходьinka», прочие европы, новые Афганы* и др.) или использование специфических синтаксических конструкций (*Екатеринбург — это не Париж; Нет, это не Рио-де-Жанейро*).

В абсолютном большинстве случаев топонимические метафоры носят окказиональный, индивидуально-авторский характер, хотя метафорические значения некоторых топонимов превратились в узуальные (*голгофа, рубикон, содом*). Впрочем, эта закономерность обнаруживается и при анализе антропонимических метафор [4].

Итак, широко известные топонимы способны выступать как прецедентные имена, в том числе метонимически обозначать названия тех или иных событий, так или иначе связанных с данным населенным пунктом. Подобные топонимы активно используются также в метафорических смыслах, обозначая при этом реалии, которые в той или иной степени метафорически сближаются с теми, которые служат источником метафоры. В связи с однотипностью подобных смысловых вариантов рассматриваемые значения нередко приобретают интернациональный характер.

Топонимические метафоры способны значительно усиливать эмоциональное воздействие на читателя, вызывая множество дополнительных ассоциаций,

пробуждая культурную память и воображение адресата. Использование подобных метафор — мощное средство прагматического воздействия на адресата, способ пробудить внимание к метафорическим следствиям и оценкам, содержащимся в этих образах.

-
1. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
 2. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
 3. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.
 4. Нахимова Е. А. Интертексты, прецедентные имена или метафоры? // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2008. № 2.
 5. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
 6. Щербак А. С. Концептосфера языка как ментальная основа формирования топонимов // Вопр. когнитивной лингвистики. 2007. № 3.

Статья поступила в редакцию 07.11.2009 г.

УДК 070.431.7 + 070.447

Ю. Л. Мандрика

ФЕЛЬЕТОН КАК РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ: ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ

Статья посвящена топологическому и жанровому анализу фельетона. Фельетон рассматривается как исторически сложившееся место на газетной полосе и как творческий способ организации текста. На примерах публикаций в местной прессе выявляются особенности фельетона в российской провинциальной печати конца XIX — начала XX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: пресса, газета, провинциальная печать, жанры журналистики, фельетон.

Обращение исследователей русской печати в последнее время к фельетону [1; 6; 14] особенно актуально. Коммерциализация прессы вынудила периодику ориентироваться на запросы читателя, больше заботиться об упаковке тиражируемой информации, предлагаемой к продаже. Официально пропагандируемое гражданское общество незаметно превратилось в «кухню управляемой демократии» [15, 75], пропускающую все сферы человеческой деятельности через вертикаль власти. Особенно это почувствовала провинциальная журналистика. В такой ситуации поучителен исторический опыт Российской империи, региональные издания которой учились не только выживать, но и говорить с читателем.

МАНДРИКА Юрий Лукич — кандидат филологических наук, зав. редакционно-издательским отделом Центральной городской библиотечной системы, Тюмень (E-mail: lukitsch_mandr@mail.ru).
© Мандрика Ю. Л., 2010